

Военные прокуратуры и военные трибуналы РККА, РККФ и войск НКВД СССР (с июня 1936 по июнь 1941 года)

(Краткий ознакомительный бюллетень. Задачи, структура, общая характеристика деятельности, знаки различия, форма одежды, иллюстрации).

В РККА, РККФ и в войсках НКВД СССР в период 1936 – 1941 годов были сформированы и действовали довольно эффективные следственные, надзорные и судебные механизмы поддержания законности и правопорядка, которые были представлены прежде всего системой военных прокуратур и военных трибуналов.

Основными задачами военных прокуратур в армии, на флоте, в войсках и органах НКВД являлись:

- выявление и расследование контрреволюционных, общеуголовных и воинских преступлений, совершаемых военнослужащими РККА, РККФ, военнослужащими войск и сотрудниками органов НКВД, лицами, приравненными к таковым, а также вольнонаёмными лицами из числа гражданских в указанных структурах. Причём совершение преступления военнослужащим (сотрудником НКВД) в соучастии с гражданскими подразумевало подследственность всей группы сообщников целиком военной прокуратуре – по признаку спецсубъекта. Проведение предварительного расследования контрреволюционных преступлений, как правило, поручалось органам НКВД под надзором соответствующего военного прокурора;
- работа по жалобам и заявлениям как военнослужащих, так и членов их семей;
- санкционирование и производство задержаний и арестов лиц рядового, командного и начальствующего состава РККА, РККФ, войск и органов НКВД (с 3 января 1939 года Приказом № 001 Наркома обороны Союза ССР, изданном в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1938 года, «**аресты высшего, старшего и среднего начсостава РККА**» могли производиться только по согласованию с Наркомом обороны Союза СССР лично и только с санкции военного прокурора). С началом ВОВ таковой порядок был отменён;
- проведение прокурорских проверок соблюдения законодательства личным составом и службами РККА, РККФ, войск и органов НКВД от рядового до высшего комначполитсостава включительно и принятие по ним соответствующих решений;
- контроль правомерности издаваемых комначполит составом частей и соединений РККА, РККФ, войск и органов НКВД приказов и распоряжений на предмет их соответствия действующему на тот момент законодательству;
- надзор за расследованием уголовных дел, находящихся в производстве как следователей военных прокуратур, так и следственно-оперативного аппарата НКВД на предмет законности и обоснованности арестов и задержаний обвиняемых и подозреваемых, соблюдения сроков предварительного расследования, недопущения нарушения социалистической законности в рамках следствия;
- надзор и проведение проверок порядка и условий содержания лиц, заключённых под стражу на время следствия и лиц, отбывающих наказание в дисциплинарных частях, приём от них жалоб и заявлений;
- поддержание государственного обвинения в военном трибунале по делам о совершении контрреволюционных, общеуголовных и воинских преступлений;
- опротестование в вышестоящем трибунале неправомερных приговоров трибунала, рассмотревшего уголовное дело по существу в случае таковой необходимости;
- разъяснительная правовая деятельность в частях и оказание правовой помощи военнослужащим.

Основными задачами военных трибуналов в армии, на флоте, в войсках и органах НКВД являлись:

- осуществление правосудия по уголовным делам о контрреволюционных, общеуголовных и воинских преступлениях, направленных в соответствующие военные трибуналы по окончании предварительного расследования для рассмотрения по существу, с вынесением соответствующего приговора;
- повторное рассмотрение уголовных дел о совершении контрреволюционных, общеуголовных и воинских преступлений, направляемых в военный трибунал в порядке кассационного опротестования первоначального приговора военной прокуратурой, с вынесением соответствующего решения;

- обеспечение карательной практики, как механизма неотвратимости возмездия за совершённое преступление: направление соответствующих документов и осужденного для обеспечения безусловного исполнения вынесенного приговора - от направления его в места лишения свободы до применения к нему высшей меры социальной защиты – расстрела (высшая мера социальной защиты – расстрел могла быть приведена в исполнение как специально наряженными для этого военными комендатурами, так и сотрудниками НКВД, конкретный исполнитель и место определялись военным трибуналом в зависимости от сроков приведения приговора в исполнение);

- рассмотрение жалоб подозреваемых и обвиняемых на законность и обоснованность применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу на предварительном следствии на основании санкции военного прокурора;

- контроль приведения в исполнение приговоров к высшей мере социальной защиты (расстрелу): как правило, при производстве расстрела присутствовал либо председатель военного трибунала (формально «именем Советской власти» приказывающий привести приговор в исполнение лицу, командующему исполнителями), либо один из судей военного трибунала. Известны случаи личного участия судей военных трибуналов в расстрелах осужденных к высшей мере социальной защиты.

Стоит так же отметить некоторые особенности.

Система подчинения военных прокуратур (Прокурору Союза ССР) и военных трибуналов (Верховному суду Союза ССР) не предусматривала возможности влияния на их деятельность и принимаемые ими решения со стороны командования частей и соединений РККА, РККФ, войск и органов НКВД, находившихся в их обслуживании. Однако, в реальности это происходило постоянно (выше приводился в качестве примера Приказ Наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова, предписывающий арестовывать комначполитсостав **только с его личного разрешения**). Справедливости ради, правда, надо отметить, что не известно случая, когда К. Е. Ворошилов не дал бы такого разрешения органам НКВД (при наличии, конечно, санкции военного прокурора).

Система военных прокуратур (военных трибуналов) РККА и РККФ строилась в соответствии со структурой формирования частей и соединений армии и флота вне зависимости от местности и не имела административно-территориального деления.

Наименьшей единицей при этом являлась военная прокуратура (военный трибунал) дивизии (и равной ей флотской боевой единицы).

Что касается военных прокуратур (военных трибуналов) войск НКВД СССР, то система их построения была несколько иной.

Военная прокуратура и военный трибунал войск НКВД СССР были образованы на основании совместного Приказа НКВД СССР, Прокурора СССР и Верховного Суда СССР от 7 октября 1934 года **«О реорганизации военных трибуналов и военных прокуратур пограничной и внутренней охраны»**. Структура военных прокуратур и военных трибуналов при этом носила (в отличие от армейско-флотских) административно-территориальный характер.

Они были созданы в краях, областях, союзных и автономных республиках, округах войск НКВД СССР, крупных исправительно-трудовых лагерях и на специальных строительствах НКВД СССР. Руководство военными трибуналами войск НКВД СССР осуществлялось со стороны Военной коллегии Верховного суда СССР, где имелся «3-й отдел военных трибуналов войск НКВД СССР».

Всего в предвоенные годы было создано 76 военных трибуналов войск НКВД. В компетенцию этих военных трибуналов входило рассмотрение дел о наиболее опасных государственных преступлениях граждан, сотрудников НКВД, госбезопасности, уголовно-исполнительной системы, военнослужащих войск НКВД.

На военные прокуратуры войск НКВД СССР был возложен надзор за следственными подразделениями НКВД, милицией (РКМ), войсками НКВД, местами заключения, а также ведение следствия по общеуголовным и воинским преступлениям, совершённым военнослужащими войск НКВД.

В Главной военной прокуратуре РККА имелся «4-й отдел по войскам НКВД СССР», начальник этого отдела являлся одновременно помощником Главного военного прокурора по войскам НКВД. В 1935-1937 годах указанную должность занимал диввоенюрист Суббоцкий Л. М.

Штат военной прокуратуры войск НКВД 1940 года, как правило, состоял из военного прокурора, 2-5 следователей (в зависимости от количества обслуживаемых частей, либо величины территории), технического персонала.

Штат дивизионной военной прокуратуры РККА 1940 года, как правило, состоял из военного прокурора, 2-3 следователей, технического персонала.

Штат военного трибунала дивизии на 1 января 1940 года предусматривал: 1 председателя, 1-3 членов трибунала, секретаря и делопроизводителя (со специальными военными званиями).

Также предусматривались и средства передвижения, например: для прокуратур (трибуналов) стрелковых дивизий, корпусов и так далее – легковые автомобили; для прокуратур (трибуналов) кавалерийских дивизий, корпусов и так далее – легковые автомобили, либо верховые лошади.

Иногда военным прокуратурам (военным трибуналам) армий, фронтов, округов, флотов помимо штатных средств передвижения придавались специальные (например: грузовой автотранспорт, самолёты, катера), в зависимости от решаемых ими оперативных задач в районах действия обслуживаемых частей.

На практике (по воспоминаниям ветеранов ВП и ВТ) передвижение следователей (судей), особенно в условиях действующей армии осуществлялось «как получится»: на попутках, велосипедах, пешком, верхом на лошадях и так далее.

Следователи военных прокуратур (судьи трибуналов) зачастую делили с обслуживаемыми частями их судьбу: если погибали части – та же судьба ожидала и указанные структуры.

Снабжение военных прокуратур и военных трибуналов осуществлялось по линии той структуры, которую они обслуживали: РККА, РККФ, войска и учреждения НКВД.

Звания и знаки различия начальствующего состава сотрудников военных прокуратур и военных трибуналов.

Персональные воинские звания сухопутных и морских сил РККА введены постановлениями СНК за № 2590 для сухопутных и военно-воздушных сил РККА, и № 2591 для морских сил РККА 22 сентября 1935 года «**О введении персональных воинских званий начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии и об учреждении Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА**».

Они были бъявлены Приказом Народного Комиссара обороны № 176 от 03 декабря 1935 года.

Окончательное их закрепление произошло с принятием в конце 1937 года нового Устава внутренней службы РККА (**УВС-37**), в котором чётко отражалось деление военнослужащих на группы в соответствии со служебным положением: **командный состав** (военнослужащие, имеющие командное воинское звание); **начальствующий состав** (военнослужащие, относящиеся к военно-политическому, военно-техническому, военно-хозяйственному, военно-административному, военно-медицинскому, военно-ветеринарному, военно-юридическому составу); **младший командный и младший начальствующий состав; рядовой состав**.

Таким образом, специальные военные звания и знаки различия начальствующего военно-юридического состава (сотрудников военных прокуратур и военных трибуналов РККА, РККФ, войск НКВД) к сентябрю 1939 года окончательно сформировались и представляли из себя:

<i>Специальное военное звание</i>	<i>Знаки различия и соответствие командному</i>
<i>младший военюрист</i>	2 рубиновых эмалевых кубика в петлицах (2 «кубаря»), эмблема. Соответствовали знакам различия лейтенанта РККА.
<i>военюрист</i>	3 рубиновых эмалевых кубика в петлицах (3 «кубаря»), эмблема. Соответствовали знакам различия старшего лейтенанта РККА.
<i>военюрист III ранга</i>	1 рубиновый эмалевый прямоугольник в петлицах (1 «шпала»), эмблема. Соответствовали знакам различия капитана РККА.

<i>военюрист II ранга</i>	<i>2 рубиновых эмалевых прямоугольника в петлицах (2 «шпалы»), эмблема. Соответствовали знакам различия майора РККА.</i>
<i>военюрист I ранга</i>	<i>3 рубиновых эмалевых прямоугольника в петлицах (3 «шпалы»), эмблема. Соответствовали знакам различия полковника РККА.</i>
<i>бризвоенюрист</i>	<i>1 рубиновый эмалевый ромб в петлицах, эмблема. Соответствовали знакам различия комбрига РККА.</i>
<i>диввоенюрист</i>	<i>2 рубиновых эмалевых ромба в петлицах, эмблема. Соответствовали знакам различия комдива РККА.</i>
<i>корвоенюрист</i>	<i>3 рубиновых эмалевых ромба в петлицах, эмблема. Соответствовали знакам различия комкора РККА.</i>
<i>армвоенюрист</i>	<i>4 рубиновых эмалевых ромба в петлицах, эмблема. Соответствовали знакам различия командарма II ранга РККА.</i>

Это - что касается знаков различия военных юристов, принятых в РККА. Военные юристов в войсках НКВД СССР имели те же самые знаки различия, что и в РККА, но носили их на петлицах своей расцветки (краповое поле с малиновой окантовкой: как у политруков, рядовых, сержантов и старшин войск НКВД).

Одновременно со знаками различия (кубиками, прямоугольниками, ромбами) военные юристы в обязательном порядке носили в петлицах эмблему военно-юридического состава. Эти эмблемы изготавливались из латуни и покрывались золотом. Крепление эмблем и знаков различия в петлицах являлось, как правило, винтовым, исключая возможность утраты (утери) эмблемы.

Подобные эмблемы сейчас – большая редкость. В коллекции автора Бюллетеня имеются 4 пары таких эмблем, одну из которых он для вас сфотографировал.

**Эмблема органов военно-юридического состава 1936 года изготовления
(латунь, позолота, винтовое крепление на пайке).**

Что же касается военных юристов, обслуживающих РККФ и носящих поэтому морскую форму, то тут надо отметить, что их знаки различия являлись исключительно флотскими и совершенно не отличались от общих знаков различия комсостава РККФ. Военно-юридические эмблемы появились у военных юристов-моряков только после ввода погон в РККА и располагались на погонах.

Но это после 1943 года, а пока что:

Специальные военные звания военюристов	Знаки различия военюристов в РККФ
<i>младший военюрист</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал лейтенанту РККА</i>
<i>военюрист</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал старшему лейтенанту РККА</i>
<i>военюрист III ранга</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал капитану РККА</i>
<i>военюрист II ранга</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал майору РККА</i>
<i>военюрист I ранга</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал полковнику РККА</i>

<i>бригвоенюрист</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал комбригу РККА</i>
<i>диввоенюрист</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал комдиву РККА</i>
<i>корвоенюрист</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал комкору РККА</i>
<i>армвоенюрист</i>	<i>Нарукавный знак соответствовал командарму 2 ранга РККА, но на РККФ этот чин никому из военных юристов не присваивался</i>

Здесь надо также отметить обстоятельство, которое зачастую сбивает с толку многих исследователей судеб военных юристов и порождает множество вопросов.

Дело в том, что многие военные юристы (проходившие службу как в военных прокуратурах, так и в военных трибуналах РККА и войск НКВД СССР) имели воинские звания начсостава интендантской службы, техников-интендантов, воентехников, а также воинские звания политсостава.

Это обстоятельство объясняется элементарной неразберихой при переаттестации командного и начальствующего состава Армии, которое имело место при вводе персональных званий в сентябре 1935 года. Многим командирам и начальникам, пусть даже с огромными заслугами, но не имевшим командно-войскового опыта, зачастую присваивались воинские звания интендантского состава.

Если же речь шла о сотруднике военной прокуратуры или военного трибунала, то при переаттестации вставал вопрос о наличии у него высшего юридического образования и если таковое отсутствовало, то звание «военюриста» такому «не светило», он получал интендантские петлицы. Когда же он получал высшее юридическое образование – звание военюриста присваивалось заново по итогам аттестации.

Тем самым среди сотрудников как военных прокуратур, так и военных трибуналов была масса обиженных. Ещё бы: имея огромный опыт работы и обучаясь заочно (например), они становились «интендантами» - то есть практически в армейском понимании тыловиками-поставщиками.

Среди секретарей военных трибуналов мне неоднократно встречались и техники-интенданты и воентехники.

Аналогичные «неурядицы» возникали при переаттестации основной массы специализированных войск и служб РККА и войск НКВД СССР – то есть лиц, не бывших в чистом виде командирами. Этот процесс очень увлекательно и подробно описывает П. Г. Григоренко в своей автобиографической книге «В подполье можно встретить только крыс».

ЭМБЛЕМЫ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ РОДОВ ВОЙСК И СЛУЖБ РККА

АБТ войска

Военно-техн. состав всех родов войск и служб

Воздушные силы РККА

Железнодорожные войска и ВОСО

Артиллерия

Авточасти и шоферы всех родов войск, кроме АБТ войск

Войска связи и подразделения связи в остальных родах войск

Инженерные войска

Военно-медицинский состав всех родов войск (золотой цвет)

Военно-ветеринарный состав (серебряный цвет)

Хим. войска

Саперные войска

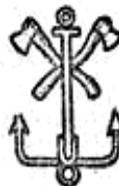
Капельмейстеры

Военно-хоз. и адм. состав

Военно-юридический состав

Понтонные части

Электротехн. части

Военюрист II ранга, апрель 1938 года, Москва.

Военюрист III ранга, май 1941 года, ЗапОВО, г. Кобрин.

Военюрист III ранга, осень 1938 года, ОКДВА.

*Образцы печатей военной прокуратуры и военного трибунала
(на примере 28 стрелкового корпуса Западного Особого Военного Округа).*

Печать военного трибунала.

Печать военной прокуратуры.

Здесь необходимо указать на особенность, которая зачастую игнорируется при проведении военно-исторических реконструкций, а также съёмок художественных фильмов, когда для сотрудников военных прокуратур и военных трибуналов режиссёры придумывают некую специальную расцветку формы одежды, фуражек, петлиц (доходит до явной нелепицы – спецзнаков на рукавах гимнастёрок и ярко-зелёных петлиц). **Ни военная прокуратура, ни военный трибунал специальной формы одежды и специальной войсковой расцветки (как отдельный вид или род войск) не имели никогда. И сейчас не имеют.**

Сотрудники военных прокуратур и военных трибуналов носили расцветки и форму тех частей, которые находились у них в обслуживании, но: **не имели на петлицах командирского золотистого кантика и не имели никаких знаков на обшлагах рукавов гимнастёрок (шинелей).**

Из «Правил ношения формы одежды личным составом РККА» (введены Приказом НКО СССР № 229 от 17 декабря 1936 года): «.....Командный военно-политический, военно-технический, военно-юридический начальствующий и рядовой состав сухопутных и военно-воздушных сил РККА носит форму одежды и петлицы того рода войск, в котором он служит... Командный военно-политический, военно-технический, военно-юридический начальствующий состав тыловых учреждений и штабов (до окружных штабов, управлений и отделов включительно) – носит форму одежды и петлицы того рода войск, в которых он служил до назначения в тыловое учреждение или штаб».

Например, военный прокурор, который обслуживал стрелковую дивизию, имел как правило, звание военюриста II ранга (по две рубиновые эмалевые шпалы в каждой петлице), малинового цвета петлицы (как у пехотных частей) с чёрной окантовкой (как у политруков пехотных частей), эмблемы военно-юридического состава в петлицах, и не имел никаких знаков на обшлагах рукавов гимнастёрки. Расцветка фуражки – пехотная: малиновый кантик по окружности тульи, малиновый цвет выпушки околыша фуражки. По манжетам и воротнику гимнастёрки – пехотный малиновый кантик.

Ниже приводятся примеры петлиц военных прокуроров на примере трёх родов войск РККА - пехоты, кавалерии, авиации и войск НКВД. Итак.

Пехота. Малиновые с чёрным кантом. Добавлялись знаки различия и эмблема. Никаких командирских золотых кантиков, никаких знаков на рукавах.

Кавалерия. Тёмно-синие с чёрным кантом. Добавлялись знаки различия и эмблема. Никаких командирских золотых кантиков, никаких знаков на рукавах.

Авиация. Светло-синие с чёрным кантом. Добавлялись знаки различия и эмблема. Никаких командирских золотых кантиков, никаких знаков на рукавах.

Войска НКВД. Краповое поле с малиновым кантом. Добавлялись знаки различия и эмблема. Никаких командирских золотых кантиков, никаких знаков на рукавах.

Далее мы хотим привести несколько наглядных примеров униформы военно-юридического состава из военно-исторической реконструкции – нашего ежегодного фестиваля «22 июня. Брестская Крепость». Это самый крупный военно-исторический фестиваль в Республике Беларусь. Количество участников-реконструкторов ежегодно составляет более 1.500 человек, количество зрителей реконструкции 2016 года превысило 35.000 человек. В фестивале принимают участие реконструкторы из более чем 15 государств, в том числе России, Германии, Австрии, Японии, США, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Австралии. Помимо сражения за Брестскую Крепость реконструируется последний мирный день – 21 июня 1941 года, работают множество интерактивных площадок, участвуют авиация, бронетехника, кавалерия. Мы будем рады видеть Вас в качестве гостей или участников фестиваля. Форму одежды Вам продемонстрирует наш коллега Дмитрий Сидорик, в прошлом – старший следователь военной прокуратуры, изучающий историю военной юстиции и реконструирующий Военную прокуратуру РККА (он составил для Вас этот Бюллетень).

Военюрист II ранга в повседневной форме. Снаряжение образца 1935 года. Вооружён пистолетом ТТ. Тёмно-синие галифе с малиновым кантиком, малиновый кантик по манжетам рукавов и по воротнику гимнастёрки.

Военюрист II ранга в повседневной форме. На голове каска (СШ-36, образца 1936 года, так называемая «халхинголка»). Он вооружён штатным пистолетом ТТ и пистолетом-пулемётом ППД-40. Видимо, этот военный прокурор исполняет обязанности в районе ведения боевых действий.

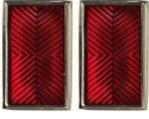

Тем самым, нередко складывалась ситуация, когда во время проведения сборов военных прокуроров военного округа (куда входили пехотные, авиационные, механизированные, кавалерийские части, части НКВД) можно было наблюдать исключительное разнообразие петлиц и кантиков всех расцветок: малиновых, чёрных, синих и так далее.

Универсальной расцветкой петлиц и фуражек (которую носили сотрудники Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного Суда) являлась «общевойсковая» – пехотная.

С июля 1938 года по конец 1939 года многие работники военных прокуратур (в основном в войсках, но не в ГВП) носили знаки различия военно-политического состава – со звёздами на рукавах и без эмблем. Это было плодом неуёмного творчества Главного военного прокурора Розовского Н. С., который, с целью «поднятия престижа военных юристов в войсках» добился их включения в военно-политический состав армии, флота и войск НКВД. Подобное «нововведение» было встречено на местах очень и очень неоднозначно. Вскоре после ареста Розовского (в сентябре 1939 года) военные юристы быстро стали возвращаться к привычной для них форме и знакам различия.

Знаки различия военно-юридического состава «по Розовскому».

<i>Специальное военное звание</i>	<i>Знаки различия в петлицах</i>	<i>Нарукавная эмблема</i>
<i>младший военюрист</i>		
<i>военюрист</i>		
<i>военюрист III ранга</i>		
<i>военюрист II ранга</i>		
<i>военюрист I ранга</i>		
<i>бригвоенюрист</i>		

<i>диввоенюрист</i>		
<i>корвоенюрист</i>		
<i>армвоенюрист</i>		

В известной советской киноэпопее «Битва за Москву» (снятой в 1985 году) есть сцена беседы Г. К. Жукова с отстранённым от должности бывшим командующим ЗапОВО Д. Г. Павловым. Не комментируя смысл беседы (весьма и весьма спорный с точки зрения исторической достоверности), хочется обратить внимание на то, что по её окончании в кабинет под соответствующую мрачную музыку, как бы крадучись, заходит представитель следственных органов без малейшего намёка на знаки различия военного юриста и уводит Павлова.

Ещё пример. В сцене допроса Д. Г. Павлова (многосерийный фильм «Война на западном направлении», 1990 год) также фигурирует следователь и опять явно не в форме военного юриста.

Эта «киношная» форма одежды для лиц, занимавшихся расследованием уголовного дела генерала армии Д. Г. Павлова и его штаба, выглядит конечно же явной натяжкой.

Сейчас уже вряд ли возможно выяснить, по какой причине в кинофильме «Война на западном направлении» не фигурируют знаки различия и петлицы военных юристов. Хотя, если внимательно читать книгу И. Ф. Стаднюка «Война» (по которой, собственно, и снят этот действительно прекрасный кинофильм, а Стаднюк сам попадал в окружение в Белоруссии в 1941 году, выходил из него и знал, о чём пишет) то там, в сцене несостоявшегося расстрела красноармейца Алеся Христича (якобы дезертировавшего с поля боя) чётко описывается именно «военный юрист второго ранга», который зачитывает перед строем приговор военного трибунала.

В настоящее время имеется несколько художественных кинокартин, в которых затрагивается тематика военно-юридической службы РККА (в основном правда, во время Великой Отечественной Войны). Все без исключения эти работы - в стиле «экшн».

В этой связи стоит заметить, что основная масса этих кинокартин далека от реальности как в плане точного соблюдения формы одежды и знаков различия военных юристов, так и в плане показа их в общем то довольно рутинной повседневной деятельности.

Зачастую в этих картинах военная прокуратура показана в виде некоей спецслужбы, которая выполняет «специальные задания командования» с оружием в руках и напоминает эдакий «СМЕРШ». Эти образы, конечно, далеки от действительности.

Военные прокуратуры, равно как и военные трибуналы являлись исключительно тыловыми службами, представители которых могли оказаться на передовой в исключительных случаях. Специальное использование военно-юридического состава в боестолкновениях практически полностью исключалось (слишком дорогое удовольствие) и могло иметь место лишь в ситуации, когда военные юристы были вынуждены брать за оружие. Например, когда подразделение, в котором следователем проводились следственные действия внезапно подверглось атаке со стороны противника, либо же при выходе части из окружения.

Ниже показаны реконструированные примеры оформления выходной и повседневной формы одежды сотрудников военной прокуратуры и военного трибунала.

*Военюрист II ранга в выходной гимнастёрке и облегчённом снаряжении образца 1935 года.
(фуражка повседневная).*

Военюрист II ранга в выходной гимнастёрке и облегчённом снаряжении образца 1935 года (фуражка выходная).

*Военюрист II ранга в выходной гимнастёрке и облегчённом снаряжении образца 1935 года (фуражка повседневная). Визит на фестиваль Председателя Парламентского Собрания Союза России и Белоруссии, Председателя Госдумы РФ С. Е. Нарышкина.
Рядом – Председатель Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь Андрейченко В. П. и Председатель Брестского облисполкома Сумар К. А.
21 июня 2014 года.*

Военюрист II ранга в выходной гимнастёрке, выходной фуражке и облегчённом снаряжении образца 1935 года. За спиной военного прокурора его средство передвижения – автомобиль ГАЗ М-1 (так называемая «Эмка»).

Военный прокурор - военюрист II ранга (обслуживает стрелковую дивизию) и старший лейтенант-пехотинец. Обратите внимание на разницу в окантовке петлиц: у старшего лейтенанта звание командное, поэтому присутствует золотой кантик на петлицах и знаки различия - шевроны - на обшлагах рукавов гимнастёрки. Цвет петлиц у обоих малиновый, пехотный.

Военный прокурор - военюрист II ранга (обслуживает стрелковую дивизию) и младший политрук-пехотинец. Обратите внимание на разницу: окантовка и цвет петлиц у них одинаковые, но у младшего политрука имеются нарукавные знаки различия – звёзды на обшлагах рукавов гимнастёрки, а петличные эмблемы – пехотных частей.

Военный прокурор - военюрист II ранга (обслуживает стрелковую дивизию) изучает материалы уголовного дела. Он в повседневной гимнастёрке образца 1935 года. Военный прокурор награждён Орденом Красной Звезды, Знаком «Почётный сотрудник НКВД СССР», имеет значёк «За бои у озера Хасан», 1938 года.

Здесь допущена неточность. Заметили какая? Правильно: знак «За бои у озера Хасан» находится справа, а должен находиться с левой стороны, сразу за знаком «Почётный сотрудник НКВД». Прокурор несколько нарушает правила ношения знаков.

Общая характеристика деятельности, руководство и личный состав военных прокуратур и военных трибуналов в армии, на флоте, в войсках и органах НКВД в предвоенные годы.

Прежде всего надо отметить, что конец тридцатых годов прошёл словно водоразделом по всему личному составу как военных прокуратур, так и военных трибуналов армии, флота и войск НКВД. Одни сотрудники стали активными участниками процесса очищения армии (хотя было множество действительно несправедливо осужденных), другие – жертвами этого процесса (виновными и безвинными).

Итак, наряду со званиями командного состава РККА, Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР, 22 сентября 1935 года были введены звания военно-юридического состава. Звание армвоенюриста (высшее у военных юристов) было присвоено всего двум представителям корпуса военной юстиции. Первым в этом звании Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 ноября 1935 года был утвержден председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР, поляк по национальности, Ульрих Василий Васильевич.

Он родился в Риге, где окончил реальное училище, а затем – Рижский политехнический институт. Работал конторщиком, а с 1915 года был на военной службе в качестве рядового саперного батальона. Затем учился в школе прапорщиков, затем получил чин подпоручика. Член РСДРП с 1910 года, после установления Советской власти он стал работать заведующим финансовым отделом ВЧК, а с 1919 года – комиссаром Штаба войск внутренней охраны РСФСР.

С начала 20-х годов Ульрих перешел в систему военных трибуналов, а в 1926 году стал Председателем созданной в 1924 году Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Объем полномочий этой структуры резко возрос с лета 1934 года, когда Коллегии и руководимым ею военным трибуналам было поручено судебное рассмотрение дел (в том числе в отношении гражданских лиц), расследуемых аппаратом особых отделов и других органов НКВД по обвинению в особо опасных преступлениях (измена Родине, террор, шпионаж, диверсии).

Именно её суду подлежали и все обвиняемые в преступлениях лица высшего комначполитсостава РККА, РККФ и НКВД.

Армвоенюрист Ульрих В. В.

Именно Ульрих В. В. был Председательствующим Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, осудившего в июне 1937 года маршала Тухачевского и его подельников-заговорщиков.

Еще в ноябре 1935 года специальным приказом НКО по личному составу № 0586 «О присвоении военных званий членам военной коллегии Верховного суда СССР» Ульриху В. В. было присвоено персональное военное звание «армвоенюрист». Соответствующие звания получили и другие члены военной коллегии. Один из заместителей Ульриха – И.О. Матулевич – получил звание «корвоенюрист», другой – заместитель И.Т. Никитченко – «диввоенюрист». Это же высокое звание получили и члены военной коллегии: И.Т. Голяков, А.Д. Горячев, Я. П. Дмитриев, И. М. Зарянов, П.А. Камерон, А.М. Орлов, Н.М. Рычков. Члену коллегии Я.Я. Рутману было присвоено звание бригавоенюриста.

Именно эти высокопоставленные военные юристы в 1937-1938 годах выносили приговоры лицам высшего комначполитсостава РККА. На местах рассмотрение уголовных дел по существу осуществляла широкая сеть военных трибуналов. Председателями трибуналов военных округов и флотов в 1937 году служили: корвоенюрист Л.Я. Плавнек (МВО); диввоенюрист Б.П. Антонов (ОКДВА), диввоенюрист Б. И. Иевлев (ПриВО), диввоенюрист Г.Г. Кушнирюк (КВО), диввоенюрист А.И. Мазюк (ЛВО), диввоенюрист Б. В. Милановский (БВО); бригвоенюрист С. В. Преображенцев (СибВО), бригвоенюрист Я. К. Жигур (СКВО), бригвоенюрист А.Ф. Козловский (ХВО), бригвоенюрист Г.А. Алексеев (УрВО), бригвоенюрист А.П. Певцов (ЗакВО), бригвоенюрист В.Д. Севастьянов (САВО), бригвоенюрист А.Г. Сенкевич (ЗабВО), бригвоенюрист К.Л. Стасюлис (ТОФ), бригвоенюрист В.А. Колпаков (ЧФ).

Но Председатель Военной коллегии Ульрих В. В. был не единственным армвоенюристом.

22 февраля 1938 года в этом специальном военном звании был утвержден Розовский Наум Савельевич. Он родился в еврейской семье, и в 19 лет в 1917 году он вступил в РСДРП(б). В 1935 году, получив звание корвоенюриста, стал заместителем Главного военного прокурора, а в 1937 году он – уже Главный военный прокурор РККА.

Главная военная прокуратура не входила организационно в состав Наркомата обороны и подчинялась Генеральному прокурору Союза ССР. Но в связи с тем, что коллегой и ближайшим другом Розовского был Первый заместитель Генерального прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского - Григорий Рогинский, то Наум Савельевич Розовский чувствовал себя полным хозяином в своем ведомстве - в ГВП. Под его контролем работали все военные прокуратуры, но он практически не реагировал на их сигналы о нарушениях в действиях Особых отделов и других органов НКВД, передавая эти заявления в руки тех же органов.

Он давал указания на места «во всем оказывать поддержку НКВД, санкции на арест давать безотказно, не мешать производству арестов». Причем Розовский Н. С. не только лично санкционировал аресты военачальников, но и курировал передачу завершенных следственных дел в трибуналы. Фактически через руки Розовского Н. С. прошёл весь высший командный состав Армии и Флота, все осужденные, как виновные, так и невиновные. Основная масса, видимо, действительно являлась заговорщиками-оппозиционерами, выступавшими против властей, но невиновные также были, и много, к сожалению. Кроме того, по своей должности Розовский Н. С. был обязан лично присутствовать на расстрелах, что и делал неоднократно.

Н.С. Розовский имел в своем подчинении огромный штат военных юристов разных рангов.

В 1936 году на службе в РККА состояло 883 военно-юридических работника. Из них 228 человек были в званиях среднего начсостава (54 младших военюристов и 174 военюриста); 531 человек – в званиях старшего начсостава (192 военюриста 3 ранга, 139 военюристов 2 ранга и 200 военюристов 1 ранга) и 124 человека – в званиях высшего начсостава (99 бригвоенюристов, 21 диввоенюрист, 3 корвоенюриста и 1 армвоенюрист).

На 1 апреля 1938 года в военных прокуратурах РККА имелось по штату 256 военных прокуроров, их заместителей и помощников и 244 военных следователя. Причем, положение Розовского Н. С. было настолько влиятельным, что в июле 1938 года «в целях поднятия престижа военно-юридических работников в войсках», он добился их включения в военно-политический состав. В среде военных юристов это решение было встречено неоднозначно. Были многочисленные недовольные.

Видимо, стоит обратить внимание на национальный состав как руководства военных прокуратур, так и руководства военных трибуналов, где преобладали лица еврейской национальности.

Заместителем председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР был еврей И.О. Матулевич, имевший звание корвоенюриста. Он входил в состав Специального Судебного присутствия на всех громких процессах, таких как: процесс троцкистского центра (23-30 января 1937 года), бухаринско-троцкистский процесс (12 марта 1938 года) и так далее. Еще одним корвоенюристом был Председатель военного трибунала МВО Плавнек Леонард Янович – еврей из латышей.

Среди работников прокуратуры звание диввоенюриста имели:

Субоцкий Лев Матвеевич, еврей, в 1935-1937 годах – помощник Главного военного прокурора РККА по пограничной и внутренней охране НКВД, начальник 4-го отдела Главной военной прокуратуры по войскам НКВД и погранохраны. Находился под арестом с 26 сентября 1937 года по март 1940 года. Выпустили, так как ничего доказать не смогли.

Берман Юлий Яковлевич, еврей, в 1935-1937 годах – военный прокурор Московского ВО, арестован 16 января 1938 года. По этому доказательств хватило «за глаза», как говорится: приговорен к высшей мере социальной защиты ВКВС СССР 15 сентября 1939 года. Расстрелян 20 сентября.

Гродко Аарон Самуилович, еврей, в 1935-1937 годах – помощник Главного военного прокурора РККА, заместитель Главного военного прокурора РККА, в 1937-1938 годах – заместитель наркома юстиции СССР, арестован 3 ноября 1938 года. Приговорен к расстрелу ВКВС СССР 9 июня 1941. Расстрелян 10 июня.

Малкис Владимир Исаакович, еврей, в 1931-1937 годах – помощник Главного военного прокурора по Дальневосточному краю, военный прокурор ОКДВА; 15 января 1938 года был арестован, 8 октября

1939 года приговорён к 20 годам заключения. 27 августа 1955 года реабилитирован, умер в Москве в 1973 году, имея звание «полковник юстиции в запасе».

Казаринский Яков Абрамович, еврей, в 1935-1936 годах – помощник Главного военного прокурора РККА, прокурор отдела Главной военной прокуратуры РККА, приговорен ВКВС СССР к расстрелу 8 августа 1938 года. Расстрелян 9 августа.

Маллер Лазарь Израилевич, еврей, в 1937 году – председатель военного трибунала Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Дальневосточного края, приговорен к высшей мере наказания - 9 июня 1941 года. Расстрелян 10 июня.

Бригвоенюрист Китин Илья Григорьевич, еврей, был председателем военного трибунала Восточно-Сибирской железной дороги, а бригвоенюрист Липидус Рувим Борисович, также еврей, – военным прокурором Амурской железной дороги. Эти к уголовной ответственности не привлекались.

Таким образом на пике чистки в армии, на флоте и в войсках НКВД, этим процессом руководили профессионалы, имеющие общие корни и к еврейской национальности принадлежали по меньшей мере:

- 1 – заместитель наркома юстиции;
- 1 – заместитель председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР;
- 1 – Главный военный прокурор СССР;
- 6 – заместителей Главного военного прокурора;
- 13 – прокуроров военных округов и частей;
- 3 – помощника прокуроров военных округов;
- 6 – председателей и заместителей председателей военных трибуналов.

То есть, говоря иначе, 1 из двух армвоенюристов, 2 из 2 корвоенюристов, 27 бригвоенюристов. В целом более 30 человек. Но именно все названные и неназванные профессионалы чистили войска и флот от враждебных элементов вплоть до 1939 года. А ведь среди руководителей военной прокуратуры и военных трибуналов были и такие фигуры:

- Савицкий М.Я. – помощник Главного военного прокурора РККА;
- Шарлот С.Я. – помощник Главного военного прокурора РККА;
- Гохенберг М.М. – старший инспектор Главной военной прокуратуры РККА;
- Шмулевич В.Г. – военный прокурор Уральского ВО;
- Ставицкий М. И. – помощник военного прокурора Харьковского ВО;
- Маршак М. Г. – заместитель военного прокурора Киевского ВО;
- Дубелир Г. Г. – старший помощник военного прокурора Киевского ВО;
- Шахтэн Я. М. – военный прокурор Особого железнодорожного корпуса;
- Черноглазов Д. Б. – военный прокурор 6-го стрелкового корпуса;
- Рабковский И. Ф. – заместитель председателя Военного трибунала ТОФ;
- Лернер М.Я. – заместитель председателя Военного трибунала Белорусского ВО;
- Баумановский И. В. – заместитель председателя Военного трибунала Сибирского ВО;
- Бинненбойм И. В. – военный прокурор 5-го механизированного корпуса;
- Ботвинник Я. С. – председатель военного трибунала 5-го стрелкового корпуса.

Конечно, это далеко не полный состав работников ВП и ВТ в те непростые годы.

Ведущую роль в начавшейся чистке армейских кадров играли, конечно, политические органы, а не репрессивные или правоохранительные. И поскольку в её ходе были допущены некоторые крупные перегибы (в основном на местах), то кто в этом был виновен? Фактически именно эта проблема стала предметом обсуждения на январском Пленуме ЦК ВКП (б), проходившим с 11 по 20 января 1938 года. Однако в это время еще ни Сталин, ни другие руководители страны не подвергали сомнению непорочность правоохранительных органов.

Поэтому речь шла лишь о партийных функционерах – разного уровня секретарях региональных организаций, допустивших произвол при исключении членов партии. В Постановлении пленума виновниками злоупотреблений были признаны: **«карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключенных из партии, на репрессиях против членов, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем огульных репрессий».**

Такие приспособленцы совершенно правильно характеризовались как **«провокаторы и враги»**, старающиеся **«криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в партийных рядах – это, во-первых, и, во-вторых, стремящиеся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах».**

И здесь Сталин был абсолютно прав.

В Постановлении ничего не говорилось ни об армии, ни о правоохранительных органах. Однако, как показало последующее развитие событий, в этих структурах подобные карьеристские тенденции проявлялись еще более остро. Но о том, что «первый звонок» прозвучал, свидетельствовало последовавшее отстранение с постов и аресты многих партфункционеров (в том числе высшего звена): 21 февраля 1938 года - Постышева, 29 апреля 1938 года - Эйхе, 3 мая 1938 года - Косиора, а в апреле того же 1938 года Ежова назначили по совместительству Наркомом водного транспорта. Что с Николаем Ивановичем произошло дальше – знают все. Он был арестован 10 апреля 1939 года, судим и расстрелян 4 февраля 1940 года в подвальном помещении здания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

В то же время паника охватила и высшие эшелоны госбезопасности. Еще 1 января 1938 года был освобожден со своего поста нарком внутренних дел Украины Леплевский. В мае покончил жизнь самоубийством начальник управления НКВД по Московской области Каруцкий. Еще через месяц, нелегально перейдя границу, бежал к японцам начальник Дальневосточного управления НКВД Люшков.

22 августа 1938 года Берия назначили 1-м заместителем народного комиссара внутренних дел СССР, 8 сентября - он стал начальником 1-го управления НКВД СССР, 11-го сентября ему присвоили звание комиссара государственной безопасности 1-го ранга. А 29 сентября он занял должность начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР – ключевую должность в НКВД.

16 июля 1938 года появляется знаковый Приказ Прокуратуры Союза ССР № 854/49с, согласно которому надзор за расследованием дел о контрреволюционных преступлениях передавался исключительно военным прокурорам.

Вскоре выходит и совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П 4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», принятое 17 ноября 1938 года. Это Постановление широко обсуждалось на партийных собраниях во всех военных прокуратурах и в военных трибуналах.

В нем отмечалось, что в 1937-1938 годах **«органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистили СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и в особенности разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции».**

Вместе с тем в Постановлении указывалось на недопустимые недостатки, **«выявленные за последнее время в работе органов НКВД и Прокуратуры».** Среди главнейших из них назывались следующие:

«Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и прочее).

Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрошенным и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения и тому подобное.

Органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов.

Органы Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались прибравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры – как в центре, так и на местах – враги народа.

Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и

спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры – СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции.

2. Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совецания при НКВД СССР.

3. При арестах органами НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года;

б) при истребовании от прокуроров санкций на арест органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы;

в) органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверять обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов;

г) органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования Уголовно-Процессуальных Кодексов.

Обязать органы Прокуратуры в точности соблюдать требования Уголовно-Процессуальных Кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД.

5. В соответствии с этим обязать прокуроров систематически проверять выполнение следственными органами всех установленных законом правил ведения следствия и немедленно устранять нарушения этих правил; принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т.п.

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы Прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие, признать необходимым:

а) установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждаются ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и Прокурора Союза ССР;

б) обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в месячный срок проверить и представить на утверждение в ЦК ВКП(б) кандидатуры всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД;

в) обязать Прокурора Союза ССР тов. Вышинского выделить из состава работников центрального аппарата политически проверенных квалифицированных прокуроров для осуществления надзора за следствием, производимым центральным аппаратом НКВД СССР, и в двухмесячный срок представить их на утверждение ЦК ВКП(б).

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в Приказе от 23 октября 1938 года. В частности, одобрить Решение НКВД СССР об организации в оперативных отделах специальных следственных частей.

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу Народного комиссара Внутренних дел Союза ССР.

8. Обязать НКВД СССР и Прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры невзирая на лица будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

Председатель Совета народных комиссаров СССР В. Молотов.

Секретарь

Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин».

Однако новый нарком Берия Л. П. не сразу добрался до самых высоких чиновников (в том числе и в ГВП). Для этого потребовалось время. Только 17 июня 1939 года Берия направил Ворошилову имеющийся в НКВД СССР компрометирующий материал на работников Главной военной прокуратуры. Он был основан на показаниях ранее арестованных бывших заместителей и помощников Главного

военного прокурора Гродко, Иосселя и Казаринского, а также бывших прокуроров военных округов: Оганджяняна, Бермана, Малкиса, Малютина, Кузнецова.

В Сообщении указывалось, что в Главной военной прокуратуре существует еще не выкорчеванная заговорщическая организация, которую возглавляет сам Главный военный прокурор Н. С. Розовский. В нее входят два прокурора ГВП (Л. М. Брайнин и Д. С. Клебанов) и два помощника Главного военного прокурора (Л.М. Калугин и А.Х. Кузнецов).

7 сентября 1939 года Розовский был арестован, судим и приговорён к 10 годам лишения свободы (скончался в лагере 10 апреля 1942 года).

Судьба его ближайшего приятеля - заместителя Прокурора Союза ССР Григория Константиновича Рогинского тоже заслуживает упоминания. Ведь именно он курировал органы НКВД, утверждал почти все обвинительные заключения по контрреволюционным делам, участвовал в подготовительных заседаниях Военной коллегии Верховного Суда СССР, присутствовал во время казни лиц, осужденных к расстрелу.

В отсутствие А. Я. Вышинского Рогинский исполнял обязанности Прокурора Союза ССР.

Рогинский родился в еврейской семье – в 1895 году в г. Бобруйске и совершил в общем то головокружительную карьеру. До Октябрьской революции он нигде не работал, давая лишь частные уроки. В партию он вступил сразу после революции и уже в 1918 году двадцатитрехлетний коммунист встретился с Н. В. Крыленко, являвшимся тогда Председателем революционного трибунала и главным обвинителем по политическим делам. Эта встреча и определила его жизненный путь. Молодой человек приглянулся прокурору, и он взял его к себе техническим секретарем.

Рогинский быстро завоевал доверие Крыленко и вскоре стал его «правой рукой», выдвинувшись к 1922 году в число основных сотрудников трибунала. Позже он работал в системе Верховного Суда РСФСР: в Ростове-на-Дону, на Дальнем Востоке, а в 1925 году вернулся в Москву, где занял должность прокурора уголовно-судебной коллегии Верховного Суда РСФСР. В 1928 году он стал старшим помощником Прокурора республики. В этом качестве он принимал участие во всех важнейших процессах того времени: Шахтинском, Промпартии и в ряде других.

В 1929-1930 годах Рогинский был прокурором Северо-Кавказского края, затем снова оказался в Москве и когда Крыленко занял пост наркома юстиции РСФСР, он ввел своего молодого протеже в коллегию наркомата.

Здесь Рогинский, вплоть до назначения Прокурором РСФСР А. Я. Вышинского, фактически являлся заместителем Крыленко по прокуратуре. Когда в июле 1933 года А. Я. Вышинского назначили заместителем Генерального Прокурора Союза ССР, он «потянул» за собой и Рогинского.

Первоначально тот занял в прокуратуре должность старшего помощника прокурора, а в апреле 1935 года был утвержден вторым заместителем Генерального Прокурора Союза ССР. Легкий на подъем, он часто выезжал в командировки – Дальневосточный край, Закавказье, Украина, Свердловск, Ростов-на-Дону и в другие регионы. Он стал депутатом Верховного Совета РСФСР, был награждён Орденом Ленина.

Курируя от Прокуратуры СССР органы НКВД, Рогинский быстро нашел общий язык с заместителем Н. И. Ежова М. П. Фриновским (фигурой весьма одиозной), легко утверждая все обвинительные заключения следственных органов, в том числе и на своих бывших сослуживцев. В их числе оказались: первый Прокурор Союза ССР И.А. Акулов, и. о. прокурора республики Ф.Е. Нюрина и прежний «патрон» самого Рогинского - нарком юстиции СССР Н. В. Крыленко (расстрелян 29 июля 1938 года).

М. П. Фриновский

Н. И. Ежов

Рогинский вместе с Фриновским присутствовал на казни Акулова и когда приговоренный, обращаясь к Фриновскому, сказал: «Ведь вы же знаете, что я не виноват», Рогинский стал осыпать бывшего прокурора бранью. Его карьера прервалась в августе 1939-го, после того как Вышинский перешел в Совнарком СССР, а новым Прокурором Союза ССР был назначен М. И. Панкратьев.

5 августа 1939 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило следующее Постановление КПК при ЦК ВКП (б): **«За преступное отношение к жалобам и заявлениям, поступающим в Прокуратуру Союза ССР, т. Рогинского, несущего непосредственную ответственность за работу аппарата по жалобам и заявлениям, снять с должности заместителя Прокурора СССР. Поручить партколлективу КПК обсудить вопрос о его партийном положении».**

Почти месяц Рогинского не тревожили, но затем, по завершении работы специальной комиссии ЦК, осуществлявшей проверку деятельности бывшего зам. Генерального Прокурора СССР 5 сентября 1939 года, его арестовали. Постановление на арест, которое вынес помощник начальника следственной части НКВД, утвердил нарком внутренних дел Л. П. Берия, а санкцию дал Генеральный прокурор Союза ССР М. И. Панкратьев.

В Постановлении отмечалось, что **«имеющимися в НКВД материалами Рогинский Г. К. достаточно изобличается как один из руководящих участников антисоветской правотроцкистской организации, существующей в органах прокуратуры».**

Сначала Рогинский только категорически отрицал какую-либо вину, а затем начал симулировать «истерические реакции». Они выражались «в плаксивости, боязни ложиться в кровать из-за того», что на него якобы «падают стены и он проваливается в пропасть». Обследовавшие его в начале января 1940 года врачи констатировали, что он **«душевной болезнью не страдает и обнаруживает ряд навязчивых ярких представлений неприятного характера, связанных со сложившейся для него ситуацией».**

Следствие продолжилось, и на очной ставке с Рогинским 17 января 1940 года бывший прокурор Приморской области А.А. Любимов-Гуревич показал, что Рогинский был активным участником антисоветской троцкистской организации. Рогинский назвал эти показания «ложью и клеветой». Однако уже в тот же день написал письмо на имя Берии: **«Настоящим заявляю, что прекращаю сопротивление следствию и стану на путь признания своей заговорщической работы против Советской власти. Подробные показания дам на следующих допросах. Я должен собраться с мыслями и вспомнить все подробности вражеской работы, как своей, так и своих сообщников».**

Однако в протоколе очередного допроса от 9 марта 1940 года, с его слов записано: **«Участником антисоветской правотроцкистской организации я никогда не был, поэтому виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю. Я признаю себя виновным лишь в том, что, работая заместителем Прокурора Союза ССР, я вместе с другими лицами допустил в своей работе ряд преступных, по существу, антисоветских действий, за которые я должен нести уголовную ответственность».**

И на вопрос следователя: «В чем же конкретно заключалась ваша антисоветская деятельность в Прокуратуре СССР? – подследственный, «ссылаясь на свое нервное расстройство», не дал конкретного ответа. Он продолжал юлить и просил изменить ему «тюремные условия».

Такую линию защиты Рогинский продолжал и дальше, и только через год, 19 апреля 41-го, он дал признательные показания. Он сообщил, что еще в 1929 году, в период пребывания на Кавказе, у него возникло сомнение в правильности политики партии, а с более позднего времени он, являясь участником правотроцкистской организации, вел активную борьбу с партией и советским правительством **«путем проведения подрывной работы в органах прокуратуры».** А на допросе, состоявшемся спустя еще два месяца, он признался: **«Начиная с 1936 года по заданию организации я проводил вредительскую работу в Прокуратуре Союза ССР по трем линиям, а именно: по жалобам, по делам прокурорского надзора и по линии санкционирования необоснованных арестов».**

Следствие в его отношении шло полным ходом вплоть до июля 1941 года, когда Генеральным прокурором Союза ССР было утверждено Обвинительное заключение. Рогинский был приговорён к 15 годам заключения, которые и отбыл полностью. Умер 17 декабря 1959 года в г. Красноярске.

Заместитель Прокурора Союза ССР Рогинский Г. К., курировавший органы НКВД.

**Главный военный прокурор РККА, армвоенюрист Розовский Н. С.
(на фотографии – ещё со знаками различия корвоенюриста).**

Немного о взаимоотношениях военной прокуратуры и особых отделов НКВД СССР в войсках.

Чуть ли не с первых дней работы военной прокуратуры РККА, ей приходилось сталкиваться с нежеланием особых отделов НКВД считаться с провозглашенными советскими законами в принципе. Уже в 1924 году старший помощник прокурора Верховного суда СССР по военной прокуратуре Н. Н. Кузьмин докладывал: **«Условия, в которых осуществляется надзор за деятельностью органов ГПУ, заставляют желать многого. Часто встречающимися явлениями до сих пор остаются необоснованные аресты, расплывчатость предъявляемых обвинений, преувеличение перспективы дела».** В ноябре 1925 года члена партии с 1903 года, дважды награжденного боевым орденом Красного Знамени Н. Н. Кузьмина из военной прокуратуры убрали – видимо, мешал.

Однако, стоит отметить, что сами взаимоотношения особистов с военными прокуратурами и трибуналами складывались по-разному и в основном, зависели от линии, которую проводило на тот момент Политбюро ЦК ВКП(б), поскольку ГПУ-ОГПУ-НКВД всегда были вооружёнными политическими органами партии. Нельзя огульно охаивать особистов, как и не стоит целиком вставать на сторону военных прокуроров (что зачастую делают авторы многих монографий, в том числе бывшие сотрудники прокуратуры).

Вообще, по поводу правоприменительной практики особые отделы ВЧК-ГПУ-ОГПУ, а позднее и НКВД, возбуждавшие уголовные дела в отношении военнослужащих, конечно, вступали порой в конфликтное взаимодействие с военной прокуратурой и трибуналом.

«Положение о ревтрибуналах», утвержденное еще в ходе Гражданской войны (4 мая 1920 года), предусматривало их права по надзору за следственными действиями органов ВЧК. Однако в боевой обстановке сотрудники трибуналов далеко не всегда могли реализовать свое право, что приводило к большому числу конфликтов, которые улаживались вышестоящими инстанциями. При этом заметим, что в тот период отсутствовали еще Уголовный (УК) и Уголовно-процессуальный кодексы (УПК). Руководствовались и трибунальцы, и особисты **«революционным правосознанием»**, которое подсказывало им порой взаимоисключающие решения.

Самые первые УК и УПК были приняты только в конце мая 1922 года. В эти же дни увидело свет и «Положение о прокурорском надзоре», которым предусматривалось в том числе учреждение военной прокуратуры. **Военные прокуроры функционировали тогда при реввоентрибуналах** и непосредственно подчинялись помощнику прокурора РСФСР.

Согласно «Положению о прокурорском надзоре», военной прокуратуре вменялось в обязанность наблюдение за деятельностью следователей и органов дознания, в том числе входивших в структуру ГПУ-ОГПУ-НКВД. Особисты же порой рассматривали прокурорский надзор как мешающую делу формальность, ненужное звено в охране государственных интересов.

Но нужно чётко представлять себе, что такие факты имели место на уровне исполнителей, и говорить об игнорировании особыми отделами указаний военной прокуратуры как о массовом явлении нет оснований.

Другое дело, что деятельность ГПУ-ОГПУ-НКВД регламентировалась рядом закрытых нормативных актов, а также секретными решениями Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Но это не вина, а беда органов госбезопасности. Секретность всегда окутывала их многогранную работу. Это, безусловно, накладывало отпечаток на область их дознания и следствия.

Вот фрагмент телеграммы заместителя председателя ОГПУ В. Менжинского председателю ГПУ Украины В. Балицкому от 12 июня 1925 года: **«Категорически запрещаю предоставлять прокурору данные по каким бы то ни было делам по всем отделам ГПУ... Это касается всех стадий дела, как то: дознание, следствие или разбирательство. Представление агентурных данных прокурору незаконно и чрезвычайно вредно для нашей работы. Этот пункт в корне нарушает законные и установленные взаимоотношения во всесоюзном масштабе. Такое требование не выставлялось даже Всесоюзным съездом юристов».**

Категорическим противником ознакомления прокуроров с агентурными материалами был и Феликс Эдмундович Дзержинский. Он отстаивал свои взгляды на этот вопрос даже в Политбюро ЦК РКП(б), указывая в одном из документов, что иначе **«пришлось бы хранителей законности сделать участниками агентурных разработок, которые не прекращаются и во время ведения следственных дел».** Председатель ОГПУ совершенно справедливо подчеркивал возможность провала оперативных разработок, так как прокурорских работников не проверяли при назначении на ответственные должности, в отличие от чекистов.

Такое отношение руководящих сотрудников органов госбезопасности к прокурорскому надзору в указанном выше вопросе, конечно абсолютно не предполагало полного сворачивания взаимодействия, тем более что в его основе лежали соответствующие решения высших партийно-государственных структур. Речь идет о таких документах, как **«Постановление ВЦИК от 16 октября 1922 года, объявлявшее губернским, военным и военно-транспортным прокурорам «Инструкцию по наблюдению за органами ГПУ».** Оно имело гриф «Совершенно секретно», поскольку основывалось на **«Постановлении о ГПУ»** с таким же грифом. В документе отмечалось, что функции прокурорского надзора по наблюдению за следствием и дознанием по делам политическим и по обвинению в шпионаже ограничиваются наблюдением за точным соблюдением органами ГПУ правил ареста и содержания под стражей. По всем другим делам надзор прокуратуры проводится в полном объеме. Аппараты ГПУ могли не сообщать прокуратуре о возбуждении уголовных дел в течение двух недель. В пункте 1 Постановления указывалось, что не все сотрудники прокуратуры могут участвовать в наблюдении за ходом дознания и следствия в органах ГПУ, а только специально назначаемый помощник прокурора Республики, а на местах — специальные помощники прокуроров со стажем не менее 3 лет политической работы.

«Справедливости ради надо заметить, что на сегодняшний день сохранился именно такой порядок вещей: надзор за следствием, производимым органами ФСБ России осуществляют не абы-какие-всякие прокуроры, а специально назначенные сотрудники военных прокуратур, имеющие соответствующие допуски к сведениям, составляющим государственную тайну Российской Федерации. Сегодня этот факт никого особенно не удивляет.

При слушании дел о политических преступлениях и шпионаже в состав суда подлежали введению представители ГПУ. По этому поводу издавались совместные приказы ГПУ (ОГПУ) и Военной коллегии Верховного суда СССР. Так, согласно подобному приказу, в 1924 году временными членами военных трибуналов назначались начальники отделения Особого отдела ЛВО (ВТ БФ), Особого отделения 19-й дивизии (ВТ 3-го стрелкового корпуса), Особого отделения 3-й кавалерийской дивизии (ВТ 2-го конного корпуса) и другие.

Издание соответствующих основополагающих документов в области взаимодействия особых отделов, военных прокуратур и трибуналов, естественно, не предполагало раз и навсегда устоявшегося положения. Приходилось периодически обновлять нормативную базу. От этого чекисты тоже не уклонялись, но это вовсе не означает, что они не отстаивали своих прав и не пытались создать для себя более комфортных условий деятельности. Впрочем, военпрокуроры делали то же самое. Межведомственные противоречия — это реальность, сохранившаяся, к сожалению, до настоящего времени. И тем не менее совместная практическая работа была достаточно тесной и предметной.

Центральный аппарат органов госбезопасности со своей стороны, неоднократно напоминал сотрудникам **о необходимости неукоснительного выполнения требований по своевременной реакции на запросы военной прокуратуры.** Даже в случае отказа предоставить требуемую информацию полагалось подробно мотивировать такое решение в ответах.

Для разрешения спорных вопросов нередко созывались специальные комиссии. Так, в отчете о деятельности военной прокуратуры Верховного суда СССР за 1925 год говорилось, к примеру, о необходимости пересмотреть **«Положение по надзору за органами ОГПУ в Красной Армии»**, чтобы в необходимых случаях дать больше возможностей военным прокурорам на местах влиять на них. Подобные предложения поступали и позднее. И ОГПУ откликнулось на них, выделив для участия в рабочей группе заместителя начальника Особого отдела Яна Каликстовича Ольского. Вот что пишут о работе этого чекиста прокурорские работники, исследовавшие указанную тему в начале 90-х годов: **«Даже по его кратким пометкам на полях документов и запискам, адресованным Главком, военному прокурору, можно судить о том, насколько далеко умел смотреть этот человек, как хотел предостеречь своих молодых товарищей от пренебрежения нормами закона, уберечь их**

от произвола при решении людских судеб». Вместе с работниками Главной военной прокуратуры Ян Ольский разработал совместный циркуляр, который требовал от всех начальников особых отделов и одновременно от всех военных прокуроров обеспечить соблюдение законности и устранить трения, исключить взаимные претензии. Указанный документ рождался совсем не просто. Достаточно сказать, что в архиве Главной военной прокуратуры сохранилось восемь вариантов проекта. Однако недопонимание удалось преодолеть, пойдя на обоюдные уступки в интересах укрепления законности.

Ольский Я. К. (30 мая 1937 года арестован, 27 ноября 1937 года приговорён ВКВС СССР к смертной казни, расстрелян 28 ноября).

Особые отделы и органы военной прокуратуры находили взаимопонимание даже в таком серьезном вопросе, как степень жесткости карательной политики при изменении внешне- и внутривнутриполитической обстановки. Военная прокуратура, например, солидаризировалась с особистами в 1928 году, когда наметилась тенденция военных трибуналов смягчать наказания для преступивших закон военнослужащих, и настаивала на недопущении такого положения.

Подытоживая сказанное выше о взаимоотношениях военной прокуратуры и особистов, следует сказать, что военные прокуроры видели имевшиеся нарушения и добивались их устранения из следственной практики органов ГПУ-ОГПУ-НКВД в войсках. Среди этих нарушений: 1) принятие к производству маловажных дел, включая не входящих в компетенцию органов госбезопасности; 2) затягивание сроков производства расследования; 3) применение без достаточных оснований такой меры пресечения к подозреваемым, как содержание под стражей; 4) нарушение процессуальных норм при производстве следственных действий.

В свою очередь особые отделы категорически протестовали по поводу стремления военных прокуроров ознакомиться с материалами, полученными агентурным путем, а также в результате негласного контроля переписки и применения наружного наблюдения. Кроме того, чекисты постоянно подчеркивали, что надзор со стороны военной прокуратуры за производством дознания и следствия по политическим делам и шпионажу ограничен на основании Постановления высшего органа государственной власти (ВЦИК) от 1922 года. Контроль со стороны другого ведомства не нравится никому.

Принятие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, создание военной прокуратуры, активизация надзора за дознанием, а позднее следствием в армейских особых отделах способствовало укреплению законности в деятельности последних. Однако «генетическая» память времен Гражданской войны, когда особые отделы функционировали во многом бесконтрольно, применяя методы подавления и репрессий, вплоть до применения высшей меры наказания, сказывалась на взаимоотношениях чекистов с надзирающими структурами. Даже Ф. Дзержинский, не говоря уже о его подчиненных из особых отделов, воспринимал прокурорский надзор как некую ненужную процедуру. Особенно характерным было такое положение для первой половины 20-х годов. Далее просматривается процесс обоюдного стремления к урегулированию вопросов взаимодействия в правоприменительной практике.

Однако, как уже указывалось выше, с обострением политической обстановки в стране (ближе к середине-концу 30-х годов), борьба за власть действительно приобрела более откровенный характер, нежели это просматривалось в середине 20-х.

Власть И. В. Сталина вовсе не была тогда абсолютной. И последние исторические исследования действительно это подтверждают. Иными словами, мы хотим сказать, что угроза троцкизма была

реальной угрозой. Вредительство и саботаж в промышленности, теракты и заговоры военных (например, маршала Тухачевского и его поделщиков) действительно имели место.

Помимо этого, конечно, активизировалась работа разведок ряда капиталистических государств, направленная с одной стороны на расшатывание политической обстановки в стране, с другой стороны – на разложение РККА, как опоры власти большевиков. Троцкисты для этого являлись самой благодатной почвой.

Политбюро ЦК ВКП(б) и И. В. Сталин, разумеется, не могли не реагировать на такие угрозы, тем более что они проявлялись на фоне наметившегося было мирного строительства и восстановления промышленности. Следует понять, что угроза войны с целым рядом капиталистических государств была действительно реальной. Естественно, органы НКВД в такой ситуации, примерно со второй половины 30-х годов, получили от политического руководства страны некий карт-бланш. Но важно понять не только это, важно оценить, как именно они этот карт-бланш использовали.

Военный трибунал Западного фронта

1921 год

Знамя Военного трибунала Западного фронта, 1921 год.

В феврале 1926 года вопрос о взаимоотношении особых отделов и военной прокуратуры обсуждался на специальном политсовещании в МВО. В принятой здесь Резолюции опять отмечалось нарушение законов представителями ОГПУ. На этом совещании имел место весьма многозначительный эпизод. Военный прокурор МВО С. Н. Орловский предложил организовать для работников особых отделов цикл занятий по изучению существующих законов, норм уголовного права и процесса и тому подобное. Но начальник Особого отдела МВО непреклонно заявил: **"Мои уполномоченные не нуждаются в инструктировании извне"**. Очень характерна эта горделивость своей особостью, кастовостью. Никого не подпускать извне, даже если это закон.

Против своеволия органов ОГПУ в РККА в феврале 1928 года выступает новый главный военный прокурор П. И. Павловский. Он обратил внимание на то, что **«деятельность ОГПУ регламентируется многими инструкциями и актами, которые вообще закрыты для прокурорского надзора»**. Павловского также убирают с должности - не возникай...

Разумеется, на местах находились и такие военные прокуроры, которые протестовали против беззаконий, отказывались давать санкции на арест военнослужащих без должных на то оснований. По данным архива ГВП, открыто восставали против беззаконий около 80 военных прокуроров. На таких прокуроров "нажимали" особысты и не очень щепетильные начальники. Тогда они обращались за помощью в Главную военную прокуратуру. Но, как заявляли прокуроры ГВП в апреле 1939 года на совещании по ситуации с арестами и прокурорским надзором **"они у нас в Главной военной прокуратуре поддержки не имели и всегда, как правило, при возникновении таких споров снимался или переводился военпрокурор. Так работники НКВД выжили из ДВК прокурора ОКДВА т. Анкудинова, т. Цыбин переведен из БВО из-за несработанности с органами НКВД, которым отказывал в выдаче санкций на аресты"**.

Но перевод военного прокурора к другому месту службы по тем временам считался не наказанием, а лишь намеком. Наиболее "непокорных" военных прокуроров, пытавшихся бороться против незаконных арестов, самих запросто арестовывали. Как явствует из доклада Главного военного прокурора в апреле 1938 года, из 500 военно-прокурорских работников оказались арестованными 30 человек (6 % к общему штату оперативных работников ВП) в том числе 8 прокуроров военных округов и 12 корпусных и дивизионных прокуроров. В числе арестованных были военные прокуроры военных округов, диввоенюристы Ю. Я. Берман (Московского), Н. М. Кузнецов (Ленинградского), Н. А. Малютин (Белорусского), Е. Л. Перфильев (Киевского), Г. И. Оганджян (Закавказского); военный прокурор ОКДВА В. И. Малкис, прокурор пограничной и внутренней охраны войск НКВД Украинской ССР Н. Н. Гомеров, заместитель народного комиссара юстиции СССР, бывший заместитель Главного военного прокурора диввоенюрист А. С. Гродко и другие. Были арестованы бригавоенюристы - военные прокуроры: Забайкальского военного округа (Г. Г. Суслов), Харьковского военного округа (К. И. Романовский) и его помощник (М. И. Ставицкий), военные прокуроры Краснознаменного Балтийского флота: И. К. Гай и И. М. Стурман и Черноморского флота - П. С. Войтеко (подробнее о нём - ниже), заместитель военного прокурора МВО А. П. Берзин, военный прокурор войск НКВД МВО Ю. А. Дзервит, а также помощники Главного военного прокурора РККА Иоссель и Казаринский, многие другие.

10 ноября 1937 года, сразу после праздника 20-й годовщины Октябрьской революции, был арестован председатель военного трибунала МВО корвоенюрист Л. Я. Плавнек.

Участник гражданской войны, дважды орденосец, пользовался большим авторитетом в военно-юридических кругах. Да и сам он приложил руку к "выкорчевыванию врагов народа". И вот теперь от него требуют показаний о несовершенных им преступлениях. Он, естественно, отказывается. Тогда его начинают бить. Попавший в это же время в тюрьму бывший начальник политуправления СКВО бригадный комиссар И. А. Кузин писал в те дни наркому Ворошилову: **"Для устрашения и с целью вынудить дать ложные показания, меня бросили в одиночную камеру к полумертвому ПЛАВНЕКУ (Вашему другу и соратнику по гражданской войне, т. Народный Комиссар), которого организовано и систематически избивали в течение 4-х суток"**.

И корвоенюрист Плавнек что называется, "поплыл": на предварительном следствии признал себя виновным в активном участии в антисоветской латышской организации и военно-фашистском заговоре, в боевой террористической группе, в шпионаже в пользу германской разведки. Теперь следователи НКВД могли с сознанием "исполненного долга" передавать дело в трибунал. Заседание Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось 7 июня 1938 г. В суде, перед лицом хорошо ему знакомых коллег - военных юристов, Плавнек виновным себя не признал, от показаний, данных им на предварительном следствии, отказался и заявил: **«Я признаю себя виновным в совершении трёх преступлений: во-первых, что я всю сознательную жизнь верно служил интересам рабочего класса; во-вторых, что я всегда, работая в ЧК, был беспощаден к врагам Советской власти и в-третьих, что я - латыш и еврей...»**. Осуждён к высшей мере, расстрелян в тот же день.

Корвоенюрист Плавнек Л. Я.

С назначением Наркомом внутренних дел Л. П. Берия, который взялся наводить порядок в НКВД и чистить ежовские «авгиевы конюшни», и со сменой Прокурора Союза ССР (но в основном, конечно, по причине появившейся к этому политической воли и возникшего недоверия к руководству НКВД со стороны Политбюро и И. В. Сталина лично), Главная военная прокуратура получила наконец определённые возможности реагирования на нарушения законности в органах НКВД.

За 1939 год, в Главной военной прокуратуре из 11646 следственных дел, поступивших для утверждения обвинительных заключений от следственных органов НКВД СССР, было прекращено 4191 уголовное дело, то есть 44%. За первое полугодие 1940 года – 4122 уголовных дела.

С уходом в небытие ежовской вакханалии прокурорский надзор стал налаживаться.

Можно привести ряд показательных примеров.

Бывший начальник кафедры политэкономии Военно-политической академии бригадный комиссар П. Л. Булат на предварительном следствии "признается", что он редактировал издания, якобы содержащие троцкистские установки. За такое тогда расстреливали с ходу, что и попытались было проделать с бригадным комиссаром 30 августа 1937 года, но дело военным трибуналом было направлено на дополнительное расследование, а в ходе дополнительной проверки военной прокуратурой была получена справка Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из которой явствует, что книги, названные Булатом и проходившим по другому делу бригадным комиссаром Л. О. Леонидовым, преспокойно хранились в открытом фонде библиотеки.

Бывший начальник штаба ОКДВА комкор С. Н. Богомягков писал на имя Главного военного прокурора из тюремной камеры в январе 1940 года: **«Показания я дал явно ложные, например, я показал, что руководил вредительской постройкой укрепленных районов на Дальнем Востоке. Между тем укрепленные районы на Дальнем Востоке были закончены постройкой за два года до моего прибытия на Дальний Восток»**. Уголовное дело было производством прекращено.

Служивший в РККА с 1927 года Ландсберг был арестован по подозрению в шпионаже. Рассуждения особистов были до предела просты: раз учился в заграничном университете, значит шпион. Ландсберг действительно с 1922 по 1927 год учился в Пражском университете и от него потребовали, чтобы он "признался". Что там с ним делали, неясно, но он, очевидно надеясь хотя бы на школьную образованность следователей НКВД, "признался" наконец в шпионаже, заявив, что его вербовщиком был Палацкий (чешский ученый и политический деятель, умерший в 1876 году), а его сообщниками - Гавличек-Боровский (чешский писатель, умер в 1856 году) и Гец фон Берлихинген (немецкий рыцарь, умерший в 1562 году). Эти исторические анахронизмы следователей НКВД абсолютно не смутили. Важно, что "признался". Как показала прокурорская проверка по делу в апреле 1941 года, в деле Ландсберга никаких других данных кроме его поистине фантазийных личных "признаний" нет. Уголовное дело было прекращено.

Л. П. Берия – Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Более того, смена руководства НКВД и ГВП в 1938-1939 годах ознаменовала собой начало большой работы по реабилитации невинно осужденных военных. Главная военная прокуратура непосредственно проводила работу в этом направлении, истребуя уголовные дела и проводя соответствующие прокурорские проверки – как по заявлениям самих отбывающих наказание лиц, так и по заявлениям их родственников. Соответствующие заключения направлялись в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР.

При рассмотрении заключения Главной военной прокуратуры по делу бывшего командира 16 ск комдива А. П. Мелик-Шахназарова, расстрелянного 30 октября 1937 года, Военная Коллегия в заседании 29 марта 1940 года, принимая решение об отмене приговора и реабилитации комдива, записала в своем определении: ***"...дополнительным расследованием установлено, что материалы, на которых основывалось обвинение МЕЛИК-ШАХНАЗАРОВА, не соответствуют действительности и были сфальсифицированы бывшими сотрудниками НКВД"***.

Уголовные дела в отношении сотрудников НКВД, повинных в фальсификации уголовных дел, как правило, расследовались следственным аппаратом соответствующих военных прокуратур и рассматривались военными трибуналами. Тут-то особисты, особенно не запирались и наперегонки «топили» один другого.

Так, бывший сотрудник особого отдела НКВД 39-го стрелкового корпуса Прокофьев при допросе его 3 августа 1939 года старшим следователем военной прокуратуры МВО военным юристом III ранга Соколовским, в ходе очной ставки с бывшим начальником особого отдела 22 сд Тоукачем показал, что ***«следствие по делам бывших военнослужащих 276 сп Локтюшина, Гапоненко, Швырева, Виттенберга и Осикова проводилось Тоукачем с грубым нарушением советских законов и что следственные дела на всех этих лиц были сфальсифицированы Тоукачем»***. В свою очередь Тоукач показал, что ***«Прокофьев сам неоднократно избивал арестованных, понуждая их подписывать заранее заготовленные им, Тоукачем, протоколы допросов с признательными показаниями»***. За фальсификацию следственных дел Тоукач и Прокофьев были осуждены 12 сентября 1939 года к высшей мере социальной защиты - расстрелу. Оба расстреляны 13 сентября.

В ходе работы по такого рода уголовным делам, сотрудники Главной военной прокуратуры вскрывали так называемые «схемы», по которым составлялись «заговоры» следователями НКВД. Такого рода «следователи» на внутреннем слэнге ежовского НКВД именовались «романистами» (с лёгкой руки заместителя Ежова – Фриновского). Такое наименование определялось специализацией – сотрудники специализировались на том, что сочиняли заговорщицкие организации в РККА (сочиняли «романы»). Так сказать, заранее определяли, кто из арестованных – глава организации, каковы его функции, кого он завербовал и когда. И так далее. Потом следующие специалисты – «колуны» понуждали подсудимых оформлять «романы» своими признаниями и подписями.

Обычно следователи НКВД самыми разными путями, средствами, методами стремились заставить подсудимых дать собственноручные "признательные" показания. И в большинстве случаев им этого удавалось добиться.

Другой вариант состоял в том, что «нужные тексты» следователи составляли из истинных показаний подсудимых. Они обычно умело выхватывали отдельные моменты из реальных показаний, печатали их на пишущей машинке, а доведенному "до кондиции" измученному подсудимому оставалось только подписать эту стряпню.

Но был еще и третий вариант (когда два предыдущих не проходили). В этом случае следователи просто сочиняли "признательные" показания, самостоятельно подписывая их за подсудимых. Вот свидетельство бывшего дивизионного комиссара И. И. Кропачева, данное им на допросе в Главной военной прокуратуре в марте 1941 года: **«Мне записано одно из обвинений, что вместе с другими заговорщиками я разложил 16 сд, где я был начподивом с 1931 по 1933 год. На самом деле в 1933 году 16 сд получила первенство в ЛВО - по всем видам боевой подготовки. Я рассказал об этом следователю, но он записал в протоколе: «разложил» и расписался за меня».** Кропачеву очень повезло: Главная военная прокуратура сумела задокументировать все факты и добиться его освобождения с полной реабилитацией ещё до начала Великой Отечественной Войны. Он провоевал всю войну и закончил её генерал-лейтенантом.

Мало того, что определённые «умельцы» в буквальном смысле слова "выбивали" у арестованных по другим делам "уличающие" показания на находящихся еще на воле командиров и политработников, а затем эти оговоры вклеивали в дела обреченных, так некоторые сотрудники НКВД доходили до прямого обмана своих непосредственных начальников в самом следственном аппарате НКВД.

В составленном следователями НКВД обвинительном заключении по делу комкора И. Д. Косогова утверждалось, что Косогов был завербован в антисоветскую организацию комбригом С. П. Обысовым. Однако, как установила последующая проверка военной прокуратурой, никаких показаний о Косогове Обысов никогда не давал.

Одним из фальсификаторских приемов были ссылки на якобы имеющиеся "изобличительные" показания лиц, арестованных по другим делам, при фактическом отсутствии копий этих показаний в деле обвиняемого. Например, в обвинительном заключении на бывшего члена Военного совета Черноморского Флота дивизионного комиссара С. И. Земскова указывалось, что он-де изобличается показаниями бывшего заместителя наркома обороны СССР и начальника Морских сил РККА В. М. Орлова и заместителя командующего Тихоокеанским Флотом Г. П. Киреева (дело в том, что до 1937 года Земсков служил на ТОФе заместителем начальника полуправления флота). Но в деле Земскова показаний Орлова и Киреева вообще не имеется.

Таким образом, следователи НКВД чувствовали себя настолько никому не подсудными, непроверяемыми, всесильными, что во многих случаях действовали просто нагло, не только не соблюдая даже простейших норм УПК РСФСР, но и не утруждая себя хотя бы элементарной попыткой свести концы с концами в своих обвинительных конструкциях. Порой применялись изощрённые издевательства, ухудшение условий содержания, например.

Вообще все условия содержания подсудимых были рассчитаны на то, чтобы как можно скорее сломить их волю к сопротивлению. Вдоволь отведавший тюремной баланды бывший заместитель военного прокурора пограничных и сухопутных войск НКВД Западно-Сибирского округа военюрист 1 ранга М. М. Ишов вспоминал: **«В Лефортовской тюрьме пища была отвратительной. Утром приносили кусочек черного хлеба, ложечку сахара и кипяток – это на целый день».**

А вот другой похожий пример усердного плетения криминальной сети следователями НКВД. 27 июля 1937 года был арестован начальник отдела портов УВМС РККА дивинтендант И. Я. Анкудинов. Длительное время он виновным себя ни в какой антисоветской деятельности не признавал. И лишь 6 сентября 1937 года от него были получены "признательные" показания, что он **«завербовал в заговор Лудрю и Орлова».** Следователи "подкрепляли" их выписками из показаний И. М. Лудри и В. М. Орлова. Изучение же в ГВП дел по обвинению Лудри и Орлова показало, что оба они на первых допросах вообще не называли Анкудинова участником заговора, а затем стали его называть, при чем каждый утверждал, что именно он и завербовал Анкудинова. Эти противоречия явно свидетельствуют о неправдоподобности показаний этих лиц, о том, что в данном случае следователи НКВД явно "организовали" нужные им показания.

Схема действий следователей НКВД по фабрикации обвинительных заключений на командиров и политработников РККА была довольно примитивна. Им важно было получить хоть одно "показание". Наличие этих показаний в аппарате НКВД всегда придавалось большое, по сути решающее, значение. Довольно часто при разработках тех или иных представителей комначполитсостава, сотрудники НКВД задействовали секретных сотрудников – то есть агентуру, находящуюся на связи у оперативных работников. Таких лиц старались сберечь в любом случае, в том числе и от контроля со стороны военной прокуратуры.

В целях предупреждения возможности расконспиривования методов агентурной работы органов НКВД, совместным Приказом НКВД, НКЮ и Прокурора Союза ССР № 00649/0090сс/100/64с от 26 мая 1940 года предписывалось, что **«во всех случаях возбуждения уголовного преследования в отношении секретных сотрудников органов НКВД устанавливался следующий порядок:**

1. Следствие по делам секретных сотрудников органов НКВД о преступлениях, связанных с их секретной работой или совершенных при выполнении оперативных поручений органов НКВД, могут вести только органы НКВД.

2. Дача санкций на арест секретных сотрудников и прокурорский надзор за следствием по этим делам осуществляются Военной Прокуратурой пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

3. Законченные следствием дела о секретных сотрудниках рассматриваются, как правило, Особым совещанием НКВД СССР, а при особо тяготящих обстоятельствах Военными Трибуналами пограничных и внутренних войск НКВД СССР в закрытых заседаниях в составе заседателей из числа оперативных сотрудников органов НКВД".

В качестве примера типичных «претензий» к органам военной прокуратуры со стороны оперативно-следственного аппарата НКВД можно привести материалы уголовного дела военного прокурора Черноморского Флота бригавоенюриста П. С. Войтеко.

Из служебной записки бригавоенюриста Войтеко Главному военному прокурору: **«...27 января 1938 года я совместно с уполномоченным особого отдела ЧФ тов. Ивановым встретился с подследственным по его просьбе. Он заявил: «Мои показания, имеющиеся в деле, ложны, не соответствуют подлинным моим объяснениям. Следователь Иванов сам напечатал протокол и совместно с уполномоченным особого отдела ЧФ Романовым заставил меня его подписать».**

Вскоре начальник особого отдела Черноморского Флота Исаков направляет в НКВД СССР справку следующего содержания: **«По существу обвинений, предъявляемых прокурором Войтеко, о якобы систематических нарушениях норм при ведении следствия считаю необходимым донести до Вашего сведения следующее. В прошлом, под давлением Войтеко, среди работников особого отдела ЧФ культивировалась бесхребетно-либеральное отношение к арестованным, категорически было запрещено допрашивать после 12 часов ночи. Вместо выработки у следователей упорства, напористости при допросах насаждалось елейно-добродушное, беззубое отношение к арестованному. Как следствие, продолжительность допросов колебалась в максимальных пределах три-четыре часа, следователь не столь упорно добивался признания, так как думал над тем, как бы чем-нибудь не обидеть арестованного...Кроме уже отмеченной практики Войтеко, выражающейся в либеральном отношении к арестованным, мы располагаем данными, дающими основание считать, что такой стиль работы не случаен и что Войтеко не заслуживает политического доверия..»**

Параллельно на имя Наркома обороны К. Е. Ворошилова поступило письмо от некоего Яковлева, служившего некогда по хозяйственной части в береговых частях ЧФ и уволенного после прокурорской проверки его «деятельности», о том, что он, Яковлев, **«видел в семье военпрокурора Войтеко брата его жены, ранее осужденного».** Вскоре в НКВД рождается ходатайство о санкционировании ареста Войтеко. Документ подписывает начальник отдела НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга Николаев и направляет его Генеральному прокурору СССР Вышинскому. Вышинский накладывает резолюцию: **«Срочно. Тов. Ульяновой. Надо ознакомиться с этими новыми материалами и, если они серьезны, дать санкцию».**

Начальник 2-го отдела Главной военной прокуратуры бригавоенюрист Ульянова посчитала невозможным решить судьбу прокурора Войтеко заочно, на основе одних только материалов НКВД. Она решает разобраться с этим делом непосредственно на месте и с этой целью выезжает в Севастополь. Здесь тщательно изучает уголовные дела, находящиеся в производстве военной прокуратуры Черноморского Флота, долго беседует с прокурором Войтеко, его сослуживцами и руководством наркомата внутренних дел Крымской АССР. Наконец, делает однозначный вывод: юридических оснований для ареста Войтеко недостаточно.

Получив из Прокуратуры СССР такое решение, начальник управления НКВД комбриг Федоров идет на прием к Наркому Внутренних дел Ежову и тот даёт указание о задержании Войтеко. 25 августа 1938 года военный прокурор Черноморского флота бригавоенюрист П. С. Войтеко был арестован органами НКВД на улице Воровского в Москве в тот момент, когда он направлялся в приемную Прокурора Союза ССР Вышинского.

Из обвинительного заключения по делу Войтеко Павла Станиславовича, 1894 г. рождения, члена ВКП(б): *«Следствием установлено, что Войтеко являлся участником антисоветского военного заговора, проводил враждебную работу по сохранению заговорщицких кадров РККА, смазывал судебные дела по контрреволюционным преступлениям... Дело по обвинению Войтеко подлежит направлению прокурору СССР тов. Вышинскому для рассмотрения и передачи по подсудности... Следователь особого отдела ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант госбезопасности Рожавский».*

Из Приговора: *«Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе: председательствующего — бригвоенюриста Кандыбина, членов: бригвоенюристов Сулина и Детистова, при секретаре — военном юристе 3 ранга Бычкове в закрытом судебном заседании, в городе Москве, 28-го февраля 1940 года рассмотрела дело по обвинению Войтеко Павла Станиславовича... Войтеко, будучи в должности военного прокурора Черноморского Флота, в интересах антисоветской заговорщицкой организации укрывал вражескую деятельность врагов народа... и лично сам проводил подрывную деятельность в прокурорско-следственной работе. Признавая Войтеко виновным в совершении преступлений, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: Войтеко Павла Станиславовича лишить военного звания «бригвоенюрист» и подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на 15 лет с поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего».*

Бригвоенюрист Кондыбин Д. Я. (Председатель ВКВС по делу Войтеко П. С.)

24 марта 1940 года Войтеко обжаловал приговор. Военюристу 1-го ранга Заварзину поручается изучить дело и представить свои соображения. В деле бывшего военного прокурора Черноморского Флота появляется документ за подписью Заварзина: *«Из материалов дела усматривается, что Войтеко осужден обоснованно. Оснований для принесения протеста не имеется».* Дальнейшую свою судьбу Павел Станиславович Войтеко разделил с теми, кого безуспешно пытался защитить. Его последние следы затерялись на этапе в Норильлаг.

Следует вместе с тем чётко понимать, что в конце тридцатых – начале сороковых годов прошлого века военная прокуратура и военные трибуналы занимались не только тем, что «выявляли врагов народа», расследовали их дела и осуждали их к высшей мере.

Криминогенная обстановка в войсках тогда оставляла желать лучшего. Помимо политических хватало и общеуголовных преступлений и воинских. Об этом как-то не принято писать. Считается априори, что РККА была напроць лишена криминала. Это не совсем так. В армии и на флоте тогда хватало и воров, и насильников, и убийц, и дезертиров и злоупотреблений.

Квалификация преступных деяний на тот момент производилась по Уголовным Кодексам союзных республик (для РСФСР – Уголовный Кодекс в редакции 1926 года. Принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введён в действие с 1 января 1927 года постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 года).

Важной задачей, которую решали военные прокуратуры и военные трибуналы в войсках были задачи профилактики преступлений: разъяснительная работа, а также функции устрашения.

Последние проявлялись в основном при проведении открытых судебных процессов в частях с широким привлечением на сторону обвинения армейской и флотской общественности (института так называемых «общественных обвинителей» - в основном комсомольцев или членов ВКП(б) – представителей младшего комнач или же рядового состава). И эффект был ощутимым.

Всегда проще предотвратить совершение преступления, чем потом его расследовать.

В общем и целом можно сказать, что система военных прокуратур и военных трибуналов накануне Великой Отечественной Войны являла собой относительно стабильную, отработанную систему. Её, конечно, также коснулась волна очищения, но и ГВП и ВКВС смогли относительно быстро восстановиться и, будучи пополнены свежими (в том числе за счёт «наборов по партийной линии») пусть не очень опытными и образованными, но зато не запятанными беззакониями кадрами, быстро сумели выправить положение с контрольно-следственными функциями, а также функциями отправления правосудия в РККА, РККФ и в войсках НКВД.

Войну прокуратуры и трибуналы встретили в частях, которые обслуживали. Зачастую и прокуратуры и трибуналы повторяли судьбу обслуживаемых ими частей. Особенно это касается страшного периода летних отступлений и окружений лета 1941 года. И надо сказать, что во многом благодаря чёткой и слаженной карательной практике со стороны ВП и ВТ удалось предотвратить панику и массовое бегство войск в период июня-июля 1941 года.

Отрезвляющим ледяным душем, пролившимся на войска НКВД, было несколько случаев осуждения и расстрела перед строем целого ряда командиров частей НКВД, повинных в бессудных и самочинных расстрелах заключённых при их конвоировании в условиях немецкого наступления.

В этот период встречались также случаи, когда следователи военных прокуратур были вынуждены принимать командование над подразделениями и частями, поскольку являлись единственными воинскими начальниками, оказавшимися поблизости, либо оставшимися в живых.

И надо сказать, что работники военной юстиции в подавляющем большинстве случаев в грязь лицом не ударили, проявляя мужество, самоотдачу, бесстрашие и самопожертвование. Известны случаи, когда попавшие в окружение с остатками частей работники военных прокуратур и военных трибуналов организовывали группы окруженцев в партизанские отряды и продолжали боевые действия на временно оккупированной врагом территории, уничтожая оккупантов и изменников Родины. Однако, зачастую, и военным прокуратурам и военным трибуналам удавалось избегать окружения, поскольку обе службы являлись тыловыми, находясь постоянно во 2 эшелоне действующих войск.

Подавляющее же большинство потерь сотрудников ВП и ВТ с 1941 по 1945 годы происходило при бомбёжках немецкой авиацией. Ошибочно полагать, что военные юристы вовсе не погибали и «сидели в тылу». Для примера мы дадим информацию о потерях только высшего начсостава ВП и ВТ и только в чине «бригвоенюристов» (с 1943 года этот чин соответствовал «генерал-майору юстиции»).

Бригвоенюрист Михайленко Дмитрий Григорьевич. Военный прокурор 9-й Армии	Пропал без вести в июле 1942 года
Бригвоенюрист Кузнецов Порфирий Артемьевич. Председатель ВТ 34-го СК ЗФ	Умер от ран 3 августа 1941 года при переправе через р. Днепр
Бригвоенюрист Иванов Виктор Петрович. Председатель ВТ 3-й Армии ЗФ	Пропал без вести в июле 1941 года
Бригвоенюрист Серпуховитин Яков Прокофьевич. Председатель ВТ 19-й Армии ЗФ	Пропал без вести в октябре 1941 года
Бригвоенюрист Конов Афанасий Андреевич. Председатель ВТ 6-й Армии ЮФ	Пропал без вести
Бригвоенюрист Рабковский И. Ф. Председатель ВТ 5-й Армии ЮЗФ	Пропал без вести 20 сентября 1941 года в р-не Пирятин
Бригвоенюрист Егудин Анатолий Борисович. Председатель ВТ войск НКВД и охраны тыла ЮЗФ	Пропал без вести
Бригвоенюрист Калугин Лев Моисеевич. Зам. военного прокурора Ю.-З. фронта	Погиб в бою 18 сентября 1941 года
Бригвоенюрист Ваганов Иван Андреевич. Председатель ВТ 24-й Армии.	Плен с 13 октября 1941 года по 09 мая 1945 года. Прошел спецпроверку в 13-й СД
Бригвоенюрист Тулин Владимир Михайлович. Председатель ВТ 21-й Армии.	Пропал без вести 01 сентября 1941 года
Бригвоенюрист Зенкович Александр Михайлович. Зам. председатель ВТ Приморской Армии Сев.- Кавк. Фронта.	Пропал без вести в июле 1942 года
Бригвоенюрист Корецкий Георгий Степанович. Военный прокурор Приморской армии.	Утонул при отходе из Севастополя 11 августа 1942 года
Бригвоенюрист Тыченко Карл Ефимович. Зам. военного прокурора ЮЗФ.	Пропал без вести.
Бригвоенюрист Челноков Василий Матвеевич. Военный прокурор Либавской Военно-морской базы.	Погиб при обороне Либавы 23 июня 1941 года
Бригвоенюрист Гарбузов Николай Михайлович. Военный прокурор 19-й Армии.	Пропал без вести в октябре 1941 года
Бригвоенюрист Кошелев Александр Герасимович. Военный прокурор ЧФ.	Пропал без вести при эвакуации из Севастополя 28 июня 1942 года
Бригвоенюрист Ищенко Павел Ефимович. Председатель ВТ 12-й Армии ЮЗФ.	Плен 06 августа 1941 года. Из плена бежал, прошёл спецпроверку

Существенной нагрузкой на ВП и ВТ в первые месяцы войны явилось также расследование причин, по которым стало возможно столь быстрое поражение наших приграничных военных округов. Имеется в виду, например, осуждение командующего Западного Особого ВО Павлова и его штаба, например. Совершенно заслуженное, кстати, с правовой точки зрения, осуждение.

И не надо думать, что не было предателей. Были и много.

Мало кто знает, к примеру, что в так называемой «РОА» генерала-предателя Власова была своя авиация: около 20 самолётов. Так вот, наряду с русскими пилотами-белоэмигрантами, за штурвалами истребителей сидело несколько лётчиков-героев Советского Союза (сбитых и пленённых немцами).

Например, капитан ВВС **БЫЧКОВ Семён Трофимович** (герой СССР – 02.09.1943, сбит 10.12.1943, вступил в РОА в начале 1944 года, там сформировал 5-ю эскадрилью 1-го авиаполка, получил чин майора. 24 августа 1946 года осуждён к расстрелу военным трибуналом МВО, расстрелян 4 ноября).

Или старший лейтенант ВВС **АНТИЛЕВСКИЙ Бронислав Романович** (герой СССР – 07.04.1940, сбит 28.08.1943, в декабре 1943 года вступил в РОА, 1-й авиаполк, получил чин капитана, две медали, именные часы от генерала Власова. 25 июля 1946 года осуждён к расстрелу военным трибуналом МВО, расстрелян 20 августа).

Это что, тоже «жертвы сталинизма»?

Предали легко. Геройские Звёзды им в этом не помешали.

Вообще строго говоря Геройская Звезда – измене не помеха. Можно ли спорить с такими фактами? Да, они не удобны, но они имели место.

*Майор Люфтваффе
Бычков С. Т.*

Третий справа- капитан ВВС РККА Бычков С. Т.

Старший лейтенант ВВС РККА Антилевский Б. Р.

В настоящее время, к сожалению, имеет место ситуация, когда даже ФСБ России рассекречивает больше документов, нежели Главная военная прокуратура и Военная Коллегия Верховного Суда РФ.

Переулок Хользунова в Москве (где расположена ГВП) крайне неохотно расстаётся со своими тайнами. Оно и понятно. Слишком многие идеологемы будут разрушены, а авторитеты - ниспровергнуты, если Главная военная прокуратура вдруг раскроет свои архивы.

Но когда-нибудь История всё расставит на свои места.

Заключение.

Для тех, кто всерьёз интересуется проблематикой военных прокуратур и военных трибуналов РККА, кому небезынтересно узнать некоторые удивительные подробности о вроде бы известных исторических событиях (ну, например, что выяснилось в ходе расследования Главной военной прокуратурой обстоятельств гибели 28-ми героев-панфиловцев, или обстоятельств смерти первого коменданта Берлина генерал-полковника Н. Э. Берзарина), можем рекомендовать ряд книг.

Правда, стоит сразу сообщить, что количество мемуарной литературы (в отличие от воспоминаний бывших сотрудников НКВД) по этой тематике крайне мало. Основная масса воспоминаний работников военной юстиции была издана во-первых, только после их смерти (в подавляющем большинстве случаев таковым было требование самих авторов) и во-вторых - крайне ограниченными тиражами.

Из наиболее известных следует назвать книги: **«Фронт военных прокуроров»** (С. Ушаков, А. Стукалов, издательство «Вятка», Москва, 2000 год, **5.000 экз.**, воспоминания Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции Н. П. Афанасьева. Охватывают описание деятельности военных прокуратур и военных трибуналов с 1936 по 1953 годы); **«Процессы и судьбы»** (М. П. Павлов, издательство «Юринформ», Киев, 1994 год, **3.000 экз.**, воспоминания генерал-майора юстиции М. П. Павлова. Охватывают описание деятельности органов военной прокуратуры с 1937 по 1950 годы); **«Именем закона»** (Н. М. Котляр, Воениздат, Москва, 1981 год, **65.000 экз.**, воспоминания полковника юстиции Н. М. Котляра, охватывают период с 1942 по 1948 годы).

Хотелось бы отметить, что деятельность военных прокуратур и военных трибуналов в период 30-х – 40-х годов прошлого века нельзя рассматривать в отрыве от общей политической обстановки того времени, которая складывалась в стране и за рубежом.

Нельзя также идеализировать или огульно хулить эти органы. Люди, которые в них работали были людьми своего времени и действовали исходя из идеологических установок и законодательства той эпохи.

Можно утверждать однозначно лишь то, что тогда в правоохранительных органах и силовых структурах (впрочем, как и сейчас) всё и всегда зависело от конкретных работников, от их чести, порядочности и совести.

Любая система это прежде всего люди и лишь потом – обстоятельства.

В рамки нашего фестиваля «22 июня. Брестская Крепость» мы несколько раз включали интерактивные площадки, посвящённые деятельности военной прокуратуры, реконструировали заседание военного трибунала на момент 21-го июня 1941 года.

Можем смело утверждать, что благодаря прекрасной подготовке этого мероприятия (включающей подготовку самих материалов «Уголовного дела», которое было составлено по образцу следственных материалов того времени на аутентичной бумаге с использованием пишущей машинки 40-х годов – показания, постановления, протоколы допросов, справки и прочее), участники в зрительном зале получили непередаваемые ощущения и впечатления.

Реакцию зрителей процесса слушания дела военным трибуналом 28-го стрелкового корпуса трудно переоценить. Тем более, что сам процесс происходил в ночь с 21-го на 22-е июня, в лагере реконструкторов РККА в красноармейском клубе на территории Кобринского укрепления Брестской Крепости. Подсудимый был признан виновным и приговорён к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Приговор военного трибунала был приведён в исполнение немедленно по его провозглашению.

.....А утром..... Утром - началась Война.

Мы убеждены, что такие мероприятия в рамках нашего фестиваля несомненно обогащают участников и зрителей новыми историческими знаниями, делают фестиваль более интересным и захватывающим зрелищем.

Практически ежегодно наш фестиваль посещают Первые и Высшие лица России и Республики Беларусь, представители крупных федеральных министерств и ведомств.

Мы всегда будем рады видеть и Вас в качестве участников или гостей фестиваля.

Свои вопросы и пожелания просим Вас направлять по адресам электронной почты: masterexpo1@rambler.ru или ppn.80@mail.ru.

**С уважением к Вам
и пожеланием добра и мира Вам и Вашим родным,**

**ВИК «Гарнизон»
город-герой Брест, Республика Беларусь.**